

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.253

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-3\(3\)-56-67](https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-3(3)-56-67)

Военное управление и отношение с местным населением в Ингрии и Прибалтике в первом десятилетии Северной войны

Николай Равильевич Славнитский

Научно-ведомственный архив Государственного музея истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Российская Федерация
slavnitski@bk.ru

Аннотация. В работе рассматривается вопрос о том, как налаживалось военное управление и как складывались отношения с местным населением на территории Ингрии и Прибалтики в начальный период Северной войны. Ситуация в этих двух регионах отличалась. Население Ингрии с самого начала воспринималось «своим», и в ходе боевых действий Петр I запрещал заниматься разорением этой территории. После того, как российские войска закрепились в этой области, туда началось переселение из других регионов, в связи с этим там налаживали как военное. Так и гражданское управление. Население Прибалтики первоначально считалось неприятельским, и царь поощрял разорение Лифляндии, однако, по мере того, как территорию этого региона занимали российские войска, менялось и отношение к его жителям, которых Петр I постепенно стал воспринимать как своих подданных. Военное управление в Лифляндии налаживали так же, как и в Ингрии.

Ключевые слова: Петр I, Северная война, Ингерманландия,

Б.П. Шереметев, А.Д. Меншиков, К.А. Нарышкин, военное управление

Для цитирования: Славнитский Н.Р. Военное управление и отношение с местным населением в Ингрии и Прибалтике в первом десятилетии Северной войны // Россия: общество, политика, история. 2022. №3(3). С. 56-67.

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-3\(3\)-56-67](https://doi.org/10.56654/ROPI-2022-3(3)-56-67)

Military Administration and Relations with the Local Population in Ingria and the Baltic States in the First Decade of the Northern War

Nikolai R. Slavnitskiy

Scientific and departmental archive of the State Museum of the History of St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation
slavnitski@bk.ru

Abstract. The paper deals with the question of how military control was established and how relations with the local population developed in the territory of Ingria and the Baltic states in the initial period of the Northern War. The situation in these two regions was different. The population of Ingria from the very beginning was perceived as «their own», and during the hostilities Peter I forbade the destruction of this territory. After the Russian troops entrenched themselves in this area, resettlement from other regions began there, in connection with this, they established it as a military one. So is civil administration. The population of the Baltics was initially considered an enemy, and the tsar encouraged the ruin of Livonia, however, as the territory of this region was occupied by Russian troops, the attitude towards its inhabitants also changed, which Peter I gradually began to perceive as his subjects. Military administration in Livonia was established in the same way as in Ingria.

Keywords: Peter I, Northern War, Ingria, B.P. Sheremetev, A.D. Menshikov, K.A. Naryshkin, military administration

For citation: Nikolai R. Slavnitskiy Military Administration and Relations with the Local Population in Ingria and the Baltic States in the First Decade of the Northern War // Russia: Society, Politics, History. 2022. No. 3(3). pp. 56-67.

Введение

Основной целью Петра I в годы Северной войны было возвращение в состав России территории Ингрии. При этом обстоятельства сложились таким образом, что боевые действия велись не только там, но и в Прибалтике. По мере успешных боевых действий перед царем и его сподвижниками вставали два важных вопроса. Во-первых, необходимо было налаживать управление теми территориями, которые занимала армия.

Здесь следует сделать одну оговорку. Все территории, которые в 1702-1704 гг. занимали российские войска (то есть Ингрия и Лифляндия) юридически до Ништадского мира (который, как известно, был заключен в 1721 г.) оставались под шведской короной. При этом Ингрию, где в 1703 г. был основан город Санкт-Петербург, ставший с 1712-1714 гг. столицей России, Петр I не собирался возвращать Швеции ни при каких обстоятельствах (разве что в случае полного разгрома российских вооруженных сил). Соответственно, там не только налаживали управление, но и туда стали переселяться люди из других регионов. Одних присылали «по разнарядкам» для строительства нового города (и некоторые из них оставались там и после того, как получали разрешение вернуться домой). Другие переселялись из ближайших областей (в частности, из Архангельской области). При этом в Ингрии оставались и те, кто жил там до войны (финское и русское население).

С Лифляндией дело обстояло сложнее. Территория также юридически принадлежала Швеции, причем немецкие дворяне и горожане, жившие там, имели ряд привилегий (в том числе и городское самоуправление). Земли, занятые российскими войсками в 1704-1705 гг., Петр I был готов вернуть шведскому королю в случае неудач в ходе боевых действий. Кроме того, на эти земли претендовал также союзник России – Август II, курфюрст Саксонии и одновременно король Речи Посполитой. Соответственно, там Петру I не было резона спешить с налаживанием управления.

Материалы и методы исследования

Основной источниковой базой работы стала переписка Петра I и его ближайших помощников – А.Д. Меншикова, Б.П. Шереметева, П.М. Апраксина, К.А. Нарышкина и других.

Наибольший интерес для нас представляют письма царя к Б.П. Шереметеву и донесения фельдмаршала к нему (эти документы опубликованы в различных томах многотомного сборника «Письма и бумаги императора Петра Великого»). Это связано с тем, что именно фельдмаршал, как командующий войсками, первым сталкивался с местным населением и необходимостью наладить управление (хотя бы временное) на территории, которую занимали российские войска. Он, естественно, сообщал Петру I, а также и А.Д. Меншикову, о своих действиях, и получал от царя инструкции.

Не менее важный блок документов – аналогичная переписка с П.М. Апраксиным, который в 1702-1705 гг. командовал отдельным подразделением, действовавшим на территории Ингерманландии, и тоже регулярно пересекался с местным населением и также сообщал о своих действиях царю и А.Д. Меншикову.

Переписка указанных лиц с Петром I, как уже отмечалось, опубликована в многотомном издании, а их донесения А.Д. Меншикову сохранились в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (фонд 83 – Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Анализ переписки Петра I с помощниками и А.Д. Меншикова с подчиненными позволил проследить, как налаживали управление на занимаемой войсками территории и как менялось отношение к местному населению.

Обсуждение и результаты исследования

В октябре 1702 г., после того, как российские войска взяли штурмом укрепления Нотебурга (Орешка), губернатором был назначен один из ближайших сподвижников Петра I А.Д. Меншиков. В некоторых документах он именовался «генерал-губернатором», а порой – «губернатором» (Андреева 2005, 25). Однако непосредственно на подведомственной ему территории (которая с каждым годом расширялась благодаря успешным военным операциям) Александр Данилович бывал редко, так как большую часть времени он находился в действующей армии.

В связи с этим командование войсками, сосредоточенными на территории Ингерманландии, было возложено на комендантов крепостей. Первым комендантом Санкт-Петербурга стал драгунский полковник К.Э. Ренн (Ренне), назначенный на эту должность в конце октября 1703 г.,

когда была уже возведена деревоземляная Санкт-Петербургская крепость. Отметим, что он с вверенными ему частями не отсиживался за стенами крепости, а сам зимой и весной 1703-1704 гг. предпринял несколько рейдов на территорию Карельского перешейка (Андреева 2003, 10-14).

20 мая 1704 г. он передал командование войсками Санкт-петербургского гарнизона генерал-майору Р.В. Брюсу и отправился на театр боевых действий полевой армии. С этого момента все вопросы управления Ингрии и оборона ее территории были вязаны с Романом Вилимовичем, который и стал налаживать управление, а также и отношения с местным населением. В тот момент ему подчинялся также комендант Шлиссельбургской крепости В.И. Порошин. Со временем в его ведении оказались укрепления и гарнизоны Санкт-Петербурга, Котлина (форт Кроншлот, батареи, крепость Святого Александра), Шлиссельбурга, Ямбурга, Копорья, а позже Выборга и Кексгольма. Сам же Р.В. Брюс, который с мая 1704 г. находился в должности обер-коменданта, подчинялся губернатору. Об этом говорит переписка Романа Вилимовича: в 1704-1705 гг. – все донесения об обороне новозавоеванной территории от шведского корпуса под командованием Г.Я. Майделя он отправлял А.Д. Меншикову.

Во-вторых, с самого начала войны встал вопрос об отношениях с местным населением.

Боевые действия на рассматриваемых территориях начались уже в 1701 г. 3 июня 1701 г. главнокомандующим над войсками в Новгороде и Пскове был назначен Б.П. Шереметев, который получил указание охранять указанные города и осуществлять поиск над неприятелем в Лифляндии (Заозерский 1989, 59). Это продолжилось и в следующем году. Параллельно с Б.П. Шереметевым «поиски» на территории Ингрии осуществлял П.М. Апраксин. 10 августа 1702 г. он послал царю донесение, в котором сообщил: «по твоему государеву указу военным походом в неприятельской стороне уезд Ореховский и ниже города Орешка по реке Неве до реки Тосны и до самые Ижорские земли с твоими государевыми ратными людьми прошел и неприятельские их жилища, многие мызы великие и всякое селение развоевали и разорили без остатку. И сего августа в 10-й день пришли на реку Тосну, которая имеет устье свое от реки Невы четыре версты, от Орешка двадцать, а не дошед Канец за тридцать верст» (Письма и бумаги 1889, 387).

В тот момент речи о закреплении на этих территориях еще не шло,

отряды российских войск, по сути дела, ограничивались набегами. Однако уже в это время проявилось отношение Петра I к населению Ингрии и Лифляндии. 17 августа царь написал два письма, одно к П.М. Апраксину (в ответ на донесение, отправленное 10 августа и приведенное выше), второе к Б.П. Шереметеву. И если Борису Петровичу было обиняков указано заниматься разорением земель в Лифляндии, то Петр Матвеевич получил «нагоняй» за разорение Ингрии. Хотя в письме царя имелась оговорка: «А что по дороге разорено и выжжено, то не зело приятно нам, ибо словесно вам говорено, чтоб не трогать, а разорять или брать лучше города, неже деревни, которые ни малого супротивления не имеют, а только своим беспокойством...» (Письма и бумаги 1889, 78). То есть население Прибалтики в то время рассматривалось как чужое, а вот Ингрию Петр I уже воспринимал как российскую территорию.

Аналогичных взглядов придерживались и его ближайшие помощники. Это, в частности, видно из донесения Б.П. Шереметева царю 18 августа 1703 г. из Ямбурга: «Как сентябрь минет, что изволишь о полках пехотных, которые у Ям будут з генералом фон Вердиным, об отпуске в Псков, чтобы в Ямах хлеба не ели, коли нужды не будет; а естли хотя октябрь простоят, оголодят ямских жителей; а то не худо, что и к весне останетца. Прикажи, государь, указ послать, откуда в Ямы прибавочные пушки и всякие припасы взять» (Письма и бумаги 1889, 627). То есть российское командование стремилось в те годы осуществлять снабжение войск провиантом, доставляемым из других областей, дабы не отбирать хлеб у местного населения.

В инструкции Б.П. Шереметеву 12 апреля 1704 г., в которой Петр I предписывал фельдмаршалу осуществлять «поиск» в Курляндии, было сказано: «Провиант в той земле получать, потому что ныне владеют оной шведы» (Письма и бумаги 1900, 47-48). О целенаправленном разорении земель речи не шло, однако понятно, что «получение» провианта на деле означало ревизию его у местного населения.

В марте 1704 г. П.М. Апраксин был отправлен в Ямбург. В его задачу в тот момент входила блокада укреплений Нарвы (Петр I планировал летом осаду этого города) и наблюдение за неприятелем. Помимо этого, разведывательно-диверсионные партии, которые Петр Матвеевич отправлял в Лифляндию, занимались и разорением деревень (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 10-12).

После взятия российскими войсками Дерпта и Нарвы ситуация стала меняться. Б.П. Шереметев вскоре после овладения Дерптом писал царю: «Посацкие все остались, только человек с 10 пошли, и то молодые, да два человека из знатных мящан били челом, чтобы им ехать для взятия жен своих в Ревеле. Афицеров остались два поручика, два прапорщика, урядников и салдат старых 48 человек, и минер, да новоприборных салдат 411, и те бьют челом на пашню; без указу пустить не смею, а держать трудно: хлеба жаль и караулам тяжело, и во Псков такое большое число послать людям расходно, а во Пскове людей мало, и к Москве послать также не с кем.

В Дерпте дворы и жителей переписываю и оставших рухлядь какая есть, и тому как переписчики подадут за руками книги, будет милости вашей известно... Чюхны безмерно много: велел давать им писма и к вере приводить, и для того выбрал четырех человек дворян, кому приводить к вере, и описывать и досматривать их, чтобы кто из наших какие обиды им не чинил. А помещиковы хлебы жали и сена косили, а мящан как всех перепису, приведу к вере ж» (Письма и бумаги 1900, 648-649). По данным М. Лайдре, из тартуского гарнизона на службу к царю перешли 140 солдат и ремесленников и с ними 34 женщины с детьми (Лайдре 2010, 160).

То есть уже летом 1704 г. российские власти стали задумываться о том, каким образом включать население Лифляндии в состав России.

Отметим в связи с этим любопытный момент, касающийся управления. Б.П. Шереметев 20 сентября 1704 г. писал А.Д. Меншикову: «Известно тебе чиню как мы с тобою говорили городу Гдову с уездом и самерской волости быть ведомому к Нарве под командою твоею и всякими управлением их ведать милости твоей. И ныне государь мой того города Гдова и уезду всяких чинов людям ни в каких делах во Пскове псковскому воеводе Ивану Леонтьеву ведать ни для каких дел в уезд посылать и подвод иметь я не велел...» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 423. Л. 1). Получается, что Гдов, входивший издавна в состав Псковской области, передавался в состав Ингрии (на то момент еще официально не существовавшей), более того, его «прикрепляли» к Нарве.

Другой город Лифляндии, взятый российскими войсками в 1704 г., – Дерпт, наоборот, был определен в подчинение К.А. Нарышкина, являвшегося псковским обер-комендантом (с 1699 г. он был псковским воеводой). То есть Дерпт (и его округа) оказался в составе Псковской области. Так же в ведении Кирилла Алексеевича оказалась и Нарва.

Таким образом, с 1704 г. управление на территории Ингрии и Прибалтики осуществляли два обер-коменданта – Р.В. Брюс и К.А. Нарышкин, которым подчинялись коменданты крепостей, находившихся на той территории, которая оказалась в их ведении. Естественно, в первую очередь, они отвечали за военное управление, состояние крепостей и гарнизонов. Что же касается отношений с местным населением, то в их докладах к Петру I. А.Д. Меншикову, Б.П. Шереметеву об этом не упоминается.

Один из современных исследователей истории Дерпта, эстонский историк М. Лайдре остановился на отношениях российских военных властей и жителей города. По его мнению, «отношения магистрата и Ф. Балка в целом были спокойными, при этом К.А. Нарышкин периодически вмешивался в жизнь города и сообщал предписания от имени царя. По распоряжению Нарышкина горожане фактически не могли покинуть пределы города (в случае аренды мыз дела должны были вести управляющие), и одновременно в город было запрещено пускать посторонних. Ознакомившись с договором о капитуляции, Нарышкин пошел на некоторые уступки, в частности была разрешена торговля» (Лайдре 2010, 172-175). Исследователь полагает что «строгие меры, направленные на подчинение Тарту, отражали неуверенность новых властителей. Русские отнюдь не чувствовали себя здесь как дома. Они находились среди чужих, и пока что было совсем не ясно, останутся ли завоеванные территории в составе российского государства».

В 1705 г. в Прибалтике активных боевых действий практически не велось, однако Б.П. Шереметев, Р.Х. Боур и К.А. Нарышкин регулярно отправлял туда небольшие партии для разведки и захвата «языков». В своих донесениях к царю они регулярно сообщали, сколько взято пленных (и что эти «языки» рассказывали о положении неприятеля), при этом о каких-либо разорениях территории они не упоминали.

Поэтому выскажем предположение, что с этого времени к населению Прибалтики Петр I и его сподвижники стали относиться более мягко, перестали воспринимать его как неприятельское. Возможно, это стало приносить свои плоды – в ноябре 1705 г. Р.Х. Боур доложил царю, что к нему явилось несколько немецких офицеров («курляндцев»), которые пожелали вступить на службу в российскую армию (Письма и бумаги 1900, 1000).

В Ингрии тем временем продолжался процесс заселения Санкт-Петербурга и его округа, по-прежнему, как за счет рабочих, которых присылали на строительные работы, так и благодаря тем, кто переселялся из ближайших областей. Их размещением (обеспечением дворовыми местами) занималась Канцелярия городских дел, созданная еще в 1703 г. (Кошелева 2004, 80)

При этом небольшие отряды российских войск продолжали осуществлять диверсии на территорию Финляндии. В том же 1705 г. П.М. Апраксин, докладывая царю об аналогичных диверсиях в окрестностях Корелы, отметил, что «ратные люди счастием твоим государевым поживились довольно; хлеба и скота было многие тысячи и сколько имали, сколько кто хотел» (Письма и бумаги 1900, 746-747). То есть на той территории которую считали неприятельской, с населением по-прежнему не церемонились.

В 1707-1708 гг. обстановка на северо-западе обострилась. В тот момент Петр I готовился к вторжению на территорию России армии шведского короля Карла XII, и был принят ряд мер. Во-первых, царь решил назначить командующего, которым стал Ф.М. Апраксин, при этом оба обер-коменданта (Р.В. Брюс и К.А. Нарышкин) получили распоряжения «исправлять» все по указам адмирала (Письма и бумаги 1918, 58). Федор Матвеевич 3 февраля 1708 г. получил ряд указаний:

засечь все дороги от Пскова до Смоленска (кроме псковской, луцкой и смоленской, однако и там люди для зарубания должны были быть готовы), выслать нарвских жителей на Вологду;

«из Дерпта артиллерию и прочее все вывезти во Псков, крепость подорвать и разорить, а жителей выслать вместе с нарвскими на Вологду»;

в Санкт-Петербурге все наскоро укрепить; «сказать под смертной казнью, чтоб все жители всех уездов свозили пожитки, провиант и фураж в крепости, а именно: в Смоленск, на Луки, во Псков, в Новгород, в Нарву, понеже под нужной час будут все жечь...» (Письма и бумаги 1918, 55-56).

Р.Х. Боуру было приказано располагаться в Лифляндии между Ригой и Дерптом и следить за А.Л. Левенгауптом. В том случае, если шведский генерал будет двигаться на соединение с королем, Р.Х. Боур должен был «ззади оному разврат чинить» (Письма и бумаги 1918, 66). К.А. Нарышкину было приказано подготовить Псков к обороне (Письма и бумаги 1918, 31), Я.Н. Римскому-Корсакову поручалось объявить псковичам собираться в трех местах: при Нарве, Пскове и Великих Луках; а А.Д. Меншиков

должен был засечь все дороги (кроме псковской и смоленской) (Письма и бумаги 1918, 37-38). Кроме того, во Псков было приказано передать всю артиллерию из Дерпта (Письма и бумаги 1918, 55), укрепления Дерпта решили полностью разрушить.

По сути дела, российское командование решило применить тактику «выжженной земли», и это коснулось напрямую местного населения. А тяжелее всего пришлось немецким жителям Лифляндии, которых было решено выслать из Нарвы и Дерпта.

Из Дерпта в общей сложности депортировали 824 человек (Лайдре 2010, 204) Жителей Нарвы расселили в Москве, Казани, Новгороде, Астрахани и Вологде. В последнем из указанных городов поселилось около 1700 человек из Нарвы и около 700 семейств из Дерпта. Лишь через шесть лет, в 1714 г. этим вынужденным переселенцам было разрешено вернуться в Нарву (Петров 1901, 319). Тогда же домой вернулась и часть дерптских жителей, причем по возвращении они практически построили новый город (Арбузов 1912, 234). Большая же часть бывших жителей Нарвы и Дерпта, по свидетельству браншвейгского резидента Ф.Х. Вебера (который появился в России в 1716 г.), не захотела покидать новые для них места и земли и добровольно осталась в тех местностях, куда они были высланы (Вебер 1872, 1108).

Данные действия, разумеется, нельзя назвать гуманными, однако не следует утверждать, что они являлись определяющими для Петра I в отношении к населению. Вышеперечисленные мероприятия были вызваны чрезвычайными обстоятельствами, и после того, как угроза нападения на Ингерманландию отпала, российское руководство вернулось к прежней политике.

Выводы

В целом же можно говорить о том, что по отношению к местному населению на территориях, которые завоевывала российская армия в ходе Северной войны, можно охарактеризовать как жесткое (и временами даже жестокое) в то время, когда оно находилось на территории, занимаемой шведскими войсками, и значительно более мягкое с того момента, когда оно оказывалось под властью России.

По мере фактического присоединения к России территории Ингрии и

Прибалтики на этих землях оказывались также и крестьяне, переселявшиеся из других областей Российского государства. Это, в первую очередь, относится к Ингерманландии, в Прибалтике же с 1705-1706 гг. старались не только избегать разорения, но также учитывать и местные особенности управления. Все перечисленное привело к тому, что указанные области быстро стали органичными регионами Российской империи.

Список источников

1. Андреева Е.А. (2003) Деятельность первого петербургского коменданта [The activities of the first St. Petersburg commandant]. // Петровское время в лицах. СПб., 2003. С. 10-14.
2. Андреева Е.А. (2005) А.Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство [A. D. Menshikov and the formation of the Ingermanland province: territory and administrative structure]. // Петровское время в лицах. СПб., 2005. С. 15-30.
3. Арбузов Л.А. (1912) Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии [Essay on the history of Livonia, Estonia and Courland]. СПб.
4. Вебер Ф.-Х. (1872) Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера [Notes on Peter the Great and his reign by the Brunswick resident Weber]. // Русский архив. № 6. Стб. 1060-1698.
5. Заозерский А.И. (1989) Фельдмаршал Б.П. Шереметев [Field Marshal B.P. Sheremetev]. М.: Наука.
6. Кошелева О.Е. (2004) Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени [People of the St. Petersburg Island of Petrovsky Time]. М.: ОГИ.
7. Лайдре М. (2010) Северная война и Эстония. Тарту в годину испытаний (1700-1708) [Northern War and Estonia. Tartu in the Time of Trials (1700-1708)] Таллин: Argo.
8. Петров А.В. (1901) Город Нарва, его прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на Балтийском побережье [The city of Narva, its past and sights in connection with the history of the strengthening of Russian domination on the Baltic coast]. СПб.
9. Письма и бумаги императора Петра Великого (1889) [Letters and papers of Emperor Peter the Great] Т. II. СПб., 1889.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого (1900) [Letters and papers of Emperor Peter the Great] Т. III. СПб., 1900.
11. Письма и бумаги императора Петра Великого (1918) [Letters and papers of Emperor Peter the Great] Т. VII. Вып. 1. Пг., 1918.

Информация об авторе

СЛАВНИТСКИЙ Николай Равильевич, кандидат исторических наук, архивист 1-й категории научно-ведомственного архива Государственного музея истории Санкт-Петербурга., Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: slavnitski@bk.ru

About the author

Nikolai R. SLAVNITSKIY, CandSc (Hist.), archivist of the 1st category of the scientific and departmental archive of the State Museum of the History of St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: slavnitski@bk.ru